

ALEKSANDER NIECZUCHRYN (Grodno)

## **СОВРЕМЕННАЯ БЕЛАРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Современное состояние исторических исследований в Республике Беларусь характеризуется интенсивными поисками в теоретико-методологической сфере. После отказа от марксистской парадигмы истории, что было связано с развалом СССР и крушением монополюсной власти КПСС, историческая наука на постсоветском пространстве на какое-то время утратила методологические ориентиры. По своей методологической сущности марксистская историография принципиально не отличалась от позитивизма XIX века и сама по себе не несла кризисных потенций. Из границ научного знания ее выводила конъюнктурная ориентация на идеологию в условиях тоталитарного режима. Сказалась также длительная изоляция советской историографии от мировой, недостаточная осведомленность отечественных ученых относительно достижений мировой исторической мысли. Образовавшийся теоретический вакуум истории стали заполнять самыми разнообразными идеями и концепциями, заимствованными из арсенала не только современной западной науки, но и историографии второй половины XIX – начала XX вв. Наблюдается интенсивное возрождение позитивистского понимания истории, традиционного для досоветской российской науки. Достигнутое в итоге „многообразие” на месте прежнего „единомыслия” вовсе не свидетельствует о высоком научном уровне исследований. В ряде случаев отвергнутые марксистско-ленинские схемы оказались заменены не менее идеологизированными, а методологическая база отдельных работ не выдерживает критики даже по критериям первого позитивизма. На современное состояние белорусской исторической науки значительно повлияло и ее прошлое провин-

циальное положение относительно центров исторических исследований и образования в рамках СССР. Таким образом, можно констатировать, что отечественная историография переживает в своем развитии сложный и противоречивый период, который можно охарактеризовать как кризисный.

В целом „кризис” является общенаучной категорией и вовсе не означает простого упадка либо деградации научного знания, но связан с переосмыслением коренных теоретико-методологических оснований исторической науки. В период кризиса наука меняет свои важные ориентиры, отказывается от одних фундаментальных концепций в пользу других, основательно пересматривает проблематику исследований, наличные результаты и оценки в изучении прошлого. Поскольку перед учеными встает вопрос о том, правильно ли они понимали прошлое, то в центре внимания оказываются вопросы методологии и теории познания.

Кризис охватывает не только постсоветскую историческую науку, но и мировую, однако, в разных исторических условиях он приобретает различное содержание и проявляется неодинаково. По мнению российского историка А. Я. Гуревича, причина кризиса в целом заключается в «утрате мировой цивилизацией ясной перспективы, крахе идеологий, которые еще недавно давали ориентиры, угрозе гибели человечества в огне ядерного апокалипсиса или вследствие экологической катастрофы», что вызвало «растерянность многих историков». Две мировых войны, тоталитаризм, национализм, падение авторитета научного знания, все это, по мнению историка, способствовало подрыву веры в фундаментальную идею прогресса<sup>1</sup>. Методологическую причину кризиса современной западной историографии многие российские и белорусские ученые связывают с отказом от исторического синтеза, чрезмерной специализацией истории, что ведет к размыванию ее предмета, вплоть до вопроса: „существует ли вообще территория историка?” О кризисе исторической науки говорят и западные исследователи. Например, директор Высшей школы социальных наук в Париже, руководитель Дома наук о человеке М. Эмар связывает кризис с общественным характером истории и поисками на методологическом уровне. Он отмечает, что

---

<sup>1</sup> Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. – 1991. – № 2–3. – С. 21.

история во многом обманула общественные ожидания – давать научную характеристику общества и прогнозировать будущее, что она ориентировала общество на ложные ценности. Кризисные явления в исторической науке связываются ученым с трудностями, переживаемыми современным обществом, утратой им социальной уверенности в правильности избранного исторического пути. В то же время подчеркивается, что речь идет о возможности преодоления кризиса, достижении позитивных результатов. М. Эмар справедливо указывает, что, благодаря глобализации самого общества, современная наука становится единой, преодолевает национальную и государственную замкнутость<sup>2</sup>. О «кризисе истории» пишут и другие видные французские историки Ж. Ле Гофф и Н. Русселье в коллективном труде «История и специальность историка во Франции. 1945 – 1995» (1995 г.), подводящем итог 50-летнего развития французской историографии. Кризис истории связывается ими с общим кризисом социальных наук и современного общества. Признаки кризиса французской историографии они усматривают, прежде всего, в исчерпанности методологических подходов, свойственных школе «Анналов», а также марксизму и структурализму<sup>3</sup>.

Вряд ли целесообразно умножать примеры и доказывать очевидное, что кризис в различной степени показателен для развития всей современной историографии, хотя несомненно, что в постсоветской науке он принял особо острую форму. По своему характеру кризис является теоретико-методологическим и связан с системным общественным кризисом. Споры в историографии идут по ключевым теоретико-методологическим проблемам в контексте современных общественно-политических реалий. Они касаются отношения к материалистическому пониманию истории, соотношения между формационным и цивилизационным подходами, проблем общей исторической теории и т.д. В каждой постсоветской республике протекание кризиса имеет свои особенности, связанные с общественно-политической ситуацией, имеющимся научным потенциалом, открытостью к новым научным технологиям и т.д. В белорусской историографии

---

<sup>2</sup> Эмар М. Образование и научная работа в профессии историка: современные подходы // Исторические записки. – Т. 1 (119). – М., 1995. – С. 22.

<sup>3</sup> См.: Смирнов В.П. Рец.: История и специальность историка во Франции. 1945–1995. Под руководством Франсуа Бедарида. Париж: издательство Дома наук о человеке, 1995, 438 с. // Новая и новейшая история. – 1997. – № 5. – С. 245–247.

в настоящее время сохраняется общая ограниченность теоретико-методологической подготовки историков, недостаточное владение ими современными методами и методиками исторических исследований, слабая материальная база науки (в том числе издательская). На развитие исторических исследований негативно сказывается также неудовлетворительная встроенность отечественной науки в мировую систему, разрыв традиционных связей с Россией, Украиной и Литвой. Наблюдается диспропорция в подготовке специалистов по отдельным отраслям науки и перекос в проблематике научных исследований. Флагман отечественной науки – Институт истории Национальной академии наук Беларуси почти полностью сосредоточился на разработке белорусской проблематики. Центр тяжести в изучении теории и методологии истории, всеобщей истории и историографии в итоге переместился на соответствующие кафедры исторических факультетов вузов.

При всей остроте и очевидности проблем, стоящих перед нашей наукой, есть основания рассматривать наблюдаемый кризис как процесс обновления, а вопросы методологии и теории истории – определяющими на этом пути. Именно на них будет сконцентрировано внимание автора статьи. Кроме того, мы попытаемся также познакомить польскую научную общественность с важнейшими работами в области всеобщей истории, оставляя в стороне белорусскую проблематику, требующую отдельного исследования<sup>4</sup>.

Белорусские ученые предпринимают попытки реально оценить современное состояние исторической науки в Беларуси. Анализу общих моментов развития национальной белорусской историографии посвящены статьи академика М. П. Костюка<sup>5</sup> и В. П. Грыцкевича<sup>6</sup>. В их работах рассматриваются трудности становления на-

---

<sup>4</sup> Основные тенденции в развитии исторических исследований истории Беларуси рассмотрены в статье: Карев Д. В., Нечухрин А. Н. Развитие исторических исследований в Республике Беларусь: общие тенденции//Вестник ГрГУ имени Янки Купалы. – Серия 1. – № 1(3). – 2000. – С. 14–24.

<sup>5</sup> Касцюк М. П. Нацыянальная канцэпцыя гісторыі Беларусі: асноўныя падыходы//Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: Новыя канцэпцыі і падыходы. – Ч. 1. – Мн., 1994. – С. 3–10.

<sup>6</sup> Грыцкевич В. П. Якой быць беларускай гістарычнай навуцы//Польмя. – 1992. – № 5. – С. 202–228; Грыцкевич В. П. Як выйсці з крызісу//Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 4. – С. 117–119; Грыцкевич В. П. Актуальныя праблемы беларускай гістарычнай навуцы і адукацыі//Наш Радавод. – Кн. 6. – Ч. 1. – Гродна, 1994. – С. 7–21; Грыцкевич В. П. Сенняшнія клопаты беларускай гістарыяграфіі//Белорусский сб. – Вып. 1. – СПб., 1998. – С. 7–15.

циональной историографии, и дается авторское видение решения возникших проблем. Сущность кризисных явлений в современной историографии в целом, ведущиеся в ней дискуссии о соотношении формационного и цивилизационного подходов к истории, раскрываются в публикациях В. С. Кошелева<sup>7</sup> и А. Н. Нечухрина<sup>8</sup>.

Инициаторами разработки проблем теоретической историографии и методологии истории в Беларуси стали кафедры всеобщей истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (ГрГУ) и источниковедения Белорусского государственного университета (БГУ). Совместными усилиями специалистов этих кафедр было подготовлено одно из первых на постсоветском пространстве учебное пособие по методологии истории<sup>9</sup>, а также типовая учебная программа курса. В данной работе с учетом современных подходов рассматриваются вопросы специфики исторического познания, структура, принципы и методы исторических исследований. Пособие стало базовым в преподавании учебного курса на исторических факультетах не только в Беларуси, но и в некоторых вузах России. Развивая идеи, в нем заложенные, В. Н. Сидорцов опубликовал монографию „Методология исторического исследования (механизм творчества историка)” (Мн., 2000). В книге ученый раскрывает смену ориентиров современной исторической науки, усматривая ее в „антропологическом повороте” и непосредственно с ним связанным лингвистическим, обращением к микроистории, появлением в историографии новых направлений (исторической информатики, психоистории, гендерной истории, устной, экологической и других). Ученый указывает на междисциплинарность современной мировой историографии, предопределенной внедрением, наряду с интегрированными концепциями, новых подходов и методов, присущих социальным наукам. В. Н. Сидорцов ратует за активное применение в истории математических методов и информационных технологий в рамках общего процесса математизации и информатизации наук.

---

<sup>7</sup> Кошелев В. С. Кризисные явления в современной исторической науке // Гистарычная навука і гистарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: Новыя канцэпцыі і падыходы. – Ч. 2. – Мн., 1995. – С. 7–13.

<sup>8</sup> Нечухрин А. Н., Рамазанов С. П. Проблема кризиса исторической науки // Весник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. – Серыя 1. – 1999. – № 2. – С. 14–22.

<sup>9</sup> 1. Методология истории: Учеб. пособие / Нечухрин А. Н., Сидорцов В. Н., Шутова О. М. – Мн., 1996.

В то же время, им подчеркивается недостаточная подготовка отечественных историков в данной области. В монографии дана характеристика общелогических и общенаучных, специальных и инновационных методов исторического исследования, а также приведены конкретные примеры их внедрения в исторические работы.

В целях распространения новых методов и повышения теоретико-методологической подготовки специалистов-историков по инициативе ученых БГУ в 2001 г. была проведена международная конференция „Теоретико-методологические проблемы исторического познания”<sup>10</sup>. Среди значимых работ, знакомящих белорусских историков с основными тенденциями в развитии исторических исследований за рубежом, следует отметить информационно-аналитический обзор «Современная мировая историческая наука» (Мн., 1996) и исследование О. М. Шутовой „На пути к истории людей: заметки по истории исторической мысли (конец XX века)” (Мн., 1999).

Широкое распространение среди белорусских ученых получает информационный подход, успешно апробированный в исторической науке Великобритании, Германии, Нидерландов и других стран. Он проявляется в проникновении в научно-исследовательскую работу и преподавание истории компьютерной техники и технологии – исторической информатики. В 1996 г. при активном участии коллектива кафедры источниковедения БГУ была создана Белорусская ассоциация «История и компьютер» как ветвь международной ассоциации с аналогичным названием. На ее счету регулярное проведение научных конференций, ряд публикаций, в том числе в „Информационном бюллетене ассоциации „История и компьютер”, издаваемом в Москве, и учебное пособие для исторических специальностей «Историческая информатика» (Мн., 1998).

Как уже отмечалось, для развития современной науки характерно взаимообогащение методами исследований. Наглядное доказательство тому дает образование на стыке истории и психологии психоистории с ее специфическими методами, позволяющими изучать «человека во времени» во всей сложности его взаимоотношений с окружающей средой. Психоистория направлена на выявление психической мотивации исторических процессов и создание психоло-

---

<sup>10</sup> См.: Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Материалы к международной научной конференции. В 2-х т. / Под ред. В. Н. Сидорцова, В. С. Кошелева, Я. С. Яскевич. – Мн., 2000.

гической концепции личности в истории. В белорусской историографии активным пропагандистом и исследователем психоистории выступила О. М. Шутова, которая представила приоритетную работу „Психоистория: школы и методы” (Мн., 1997), положив тем самым начало новому направлению в отечественной истории. В своем труде О. М. Шутова дала анализ методологических оснований различных школ в американской психоистории. Автор раскрыла основные понятия психоистории, проблемы, которые данное направление решает, рассмотрела конкретные методы исследования, применяемые различными школами психоисториков. Особое место в работе уделено анализу концептуальных построений Ллойда де Моза – генератора идей данного направления. Исследованию психоистории в отечественной историографии способствовало создание Белорусской психоисторической ассоциации, которая определила своей задачей изучение, пропаганду и внедрение психоисторических методов в исследование и преподавание истории. При этом необходимо заметить, что о конкретном внедрении методов психоистории в научную практику в отечественной историографии пока серьезно говорить не приходится. Кроме того, на наш взгляд, речь может идти только об использовании конкретных методов данного направления, поскольку принципиальные методологические установки теоретиков психоистории по своему содержанию направлены против исторической науки в традиционном понимании, и следование им способно лишь усугубить кризисную ситуацию.

Общенаучный метод аналогии применительно к историческому познанию стал предметом изучения в работе „Метод аналогии в историческом исследовании” (Брест, 2000) Б. М. Лепешко. Проблема метода аналогии в историческом исследовании имеет теоретическое и научно-практическое значение, поскольку позволяет обогатить теоретико-методологический арсенал исторической науки. Обращение ученого к творческому наследию как западных, так и российских крупнейших историков-концептуалистов позволило ему выявить «механизм» их эвристического поиска, в котором важную роль играл метод аналогии. В книге Б. М. Лепешко представлен первый комплексный анализ метода аналогии в историческом исследовании. Автор разработал классификацию аналогий и исследовал их функции в исторической практике. Работа опирается на обширный историографический материал: труды Э. Мейера, О. Шпенглера, А. Тойнби, Н. Я. Данилевского, В. И. Герье,

Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, Р. Ю. Виппера и других. Б. М. Лепешко убедительно продемонстрировал, как использование метода аналогии позволило названным ученым приходиться к достижению нового научно-продуктивного знания.

Известную активность в разработке методологических вопросов истории в Беларуси проявляют также А. Лобанов, Л. Е. Лойко, М. И. Матюшевская, Н. И. Миницкий, Я. И. Трещенок и другие. Однако, при известном продвижении вперед отечественная теория и методология истории находятся лишь в начале пути. Речь пока идет не столько об оригинальных работах в этой сфере, сколько об усвоении опыта различных направлений и школ Запада.

В 90-е г. наблюдается оживление историографических и источниковедческих исследований, появление крупных теоретических работ, посвященных становлению отечественной исторической науки. Д. В. Карев в монографии „Белорусская историография конца XVIII начала XX в. / Политика царизма и формирование исторической науки Беларуси”<sup>11</sup> на богатом историографическом материале раскрыл условия и предпосылки формирования белорусской исторической науки, определил этапы и особенности ее развития, а также механизмы формирования исторической памяти белорусов. Много внимания ученый уделил отдельным персоналиям и краеведческим центрам, сформировавшимся на территории Беларуси. В работах А. Н. Нечухрина „Методологические основы российской историографии в 80-е гг. XIX в. – 1917 г. (смена парадигм)”<sup>12</sup> и „Философско-исторические воззрения Н. И. Кареева”<sup>13</sup> сделан анализ теоретико-методологической базы российской дореволюционной историографии. Исследователь обосновал складывание в ее рамках в начале XX столетия течения «критического позитивизма». Особое внимание А. Н. Нечухрин уделил историческим воззрениям Р. Ю. Виппера и Н.И.Кареева, связям последнего с польской исторической наукой.

Заслуживает упоминания переизданная и дополненная книга Л. В. Алексева «Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е гг. XX в.» (Мн.,1996). Автор отводит значительное место персоналиям, нередко безвестным деятелям, внесшим вклад в изучение

<sup>11</sup> Наш Радавод. – Кн. 5. – Ч. 2. – Гродно, 1993. – С. 234–383.

<sup>12</sup> Наш Радавод. – Кн. 6. – Гродна, 1994. – С. 22–189.

<sup>13</sup> Наш Радавод. – Кн. 7. – Гродна, 1996. – С. 48–96.



родного края и его древностей. В центре работы XIX век, когда создавалась материальная база для изучения отечественной истории. Развитие науки в ту или иную эпоху автор тесно увязывает с современностью.

Нетрадиционной методологией исследования социальных конфликтов и крестьянской ментальности в Российской империи начала XX в. выделяется работа „Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века. Новые материалы, методы, результаты” (М., 1996) О. Г. Буховца. Исследователь представил свое видение кризиса исторического познания на современном этапе, раскрыв особенности его протекания как в постсоветских странах, так и на Западе. По его мнению, современная историография способна абсорбировать даже маргинальные течения и тем самым расширить собственный потенциал. Ученый выступает пропагандистом социальной истории и количественных методов исследования. Автору удалось выработать основы новой аграрной историко-социальной конфликтологии, а также создать модели политической ментальности крестьянства и по-новому интерпретировать социальные конфликты в деревне. Работа выполнена на базе архивных материалов и широкого внедрения количественных методов анализа исторического материала. О. Г. Буховцу удалось преодолеть многочисленные штампы советской историографии, касающиеся ментальности российского крестьянства и его революционной борьбы за землю и свои права. Территориальные рамки исследования включают семь губерний европейской части Российской империи, в том числе территорию Беларуси. Интерес вызывает вывод ученого о полном мотивационном самообеспечении борьбы крестьянства, ее фактической независимости от пропаганды и агитации политических партий. О. Г. Буховец представил оригинальные данные о динамике движения крестьянства против аграрной политики Столыпина и борьбе внутри самого крестьянства в указанный период. Следует, однако, подчеркнуть, что ряд выводов историка носит вероятностный характер, а также фиксирует реальное положение в российской деревне, не отвечая на вопрос, почему это происходило.

Среди обобщающих исследований справочного характера, отражающих основные тенденции и этапы в развитии белорусской науки, следует выделить работы: «Очерки истории науки и культуры Беларуси IX – начала XX в.» (Мн., 1996), энциклопедические издания

«Мыслицели и асветники Беларуси» (Мн., 1995) и «Археалогия и нумизматыка Беларуси» (Мн., 1993), а также многотомную «Энцыклапедыю гисторыи Беларуси». Издания содержат большое количество новых имен, их авторы стремятся к объективности в оценке вклада в науку рассматриваемых персоналий. Однако, историографам не всегда удается преодолеть избирательность в освещении пройденного отечественной наукой пути и выйти за рамки устоявшихся оценок. Нередко основным источником информации служат не архивы и научное наследие изучаемых персоналий, а энциклопедические издания рубежа XIX-XX в.

Среди историографических исследований, посвященных отдельным персоналиям, преобладают статьи библиографического и биографического жанра. Десятки статей имеют юбилейный характер и, как правило, несут ограниченный объем новой информации (за исключением публикаций, посвященных современным ученым). Из отечественного наследия в белорусской историографии лучше других изучено творчество Д. И. Довгялло, М. В. Довнар-Запольского, З. Я. Доленга-Ходаковского, А. К. Ельского, В. М. Игнатовского, Е. Ф. Карского, А. Киркора, М. О. Кояловича, В. Ю. Ластовского, Т. Нарбута, Е. Ф. Орловского, В. И. Пичеты, А. П. Сапунова, П. М. Лившица, Н. Н. Улащика.

Среди первых монографических изданий о жизни и творчестве М. О. Кояловича следует назвать работу гродненского историка В. Н. Черепицы<sup>14</sup>. Книга написана в жанре научной биографии и характеризуется полемичностью и эмоциональным отношением автора к своему герою. В. Н. Черепица ратует за восстановление исторической справедливости и непредвзятый подход в отношении к Кояловичу как ученому и общественному деятелю. Историограф раскрывает вклад нашего земляка в изучение прошлого Западной Беларуси, положительно оценивая его борьбу за соединение белорусов с «православно-русской цивилизацией». Теоретико-методологические представления Кояловича, его значение как историографа освещены недостаточно. Работа отличается чрезмерной идеологизацией, связанной с современной дискуссией о самоопределении белорусов. Ее автор последовательно отстаивает славянофильские и православные позиции. С той же целью, «чтобы не рвалась связь вре-

---

<sup>14</sup> Черепица В. Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества. – Гродно, 1998.

мен», В. Н. Черепица подготовил представляющие научный интерес сборники исторических очерков «Са скарбницы книжных палиц» (Мн., 1994), «Преодоление времени» (Мн., 1996), «... Дай нам руку в непогоду: Деятели русской культуры XIX – начала XX вв. и Гродненщина» (Гродно, 1997), в которых раскрываются творческие биографии Е. Е. Замысловского, И. Л. Солоневича, В. З. Завитневича, Е. Ф. Орловского и других. Пелый ряд творческих биографий исследователей XIX – начала XX в., чьи имена связаны с Гродненщиной, представлен в очерках А. Н. Нечухрина «Историки Западной Беларуси. XIX – начало XX вв.»<sup>15</sup>.

Очередная историографическая работа вышла в 90-е г. из-под пера М. Б. Ботвинника. На этот раз она была посвящена научной биографии советского обществоведа Г. М. Лившица<sup>16</sup>. Витебский краевед А. Подлипский в серии «Нашы славуця земляки» выпустил работу о А. П. Сапунове<sup>17</sup>, который много сделал для изучения Полоцко-Витебского края. Автор прослеживает творческую биографию Сапунова, раскрывает его археографическую и краеведческую деятельность, разбирает основные труды ученого. Новаторский подход историографа к творчеству Сапунова проявляется в том, что последний представлен в качестве защитника идеи национального самоопределения белорусов. Перу А. Подлипского принадлежит также работа «Краевед Владимир Краснянский (1863–1930)» (Витебск, 1997) о человеке, внесшим значительный вклад в изучение прошлого г. Витебска и сохранение его музейных ценностей.

Серия «Нашы славуця земляки» пополнилась книгой о создателях Виленского музея древностей, собирателях богатейшей коллекции материальной культуры белорусов Евстафии и Константине Тышкевичах<sup>18</sup>. Авторы – Г. А. Кохановский и А. Г. Кохановский не только знакомят с культурно-просветительской деятельностью братьев Тышкевичей, но и доказывают несправедливость былого отнесения их имен исключительно к польской культуре. Представляет интерес работа о «белорусском Карамзине» Теодоре Нарбуте,

<sup>15</sup> Наш Радавод. – Кн. 5. – Ч. 2. – Гродно, 1993. – С. 394–442.

<sup>16</sup> Ботвинник М. Б. Г. М. Лившиц: Исторический очерк. – Мн., 1994.

<sup>17</sup> Подлипски А. М. Леталисец Вицебшчыны. – Мн., 1993.

<sup>18</sup> Каханоўски Г. А., Каханоуски А. Г. Рупливец нашай старасветчыны: Яустах Тышкевич. – Мн., 1992.

в которой, как и в подобных исследованиях о З. Я. Доленга-Ходаковском и М. В. Довнар-Запольском, даются реалистические портреты ученых – выходцев из Беларуси, а также оценивается их вклад в развитие науки<sup>19</sup>. Возвращено из небытия творческое наследие крупнейшего белорусского историка В. М. Игнатовского, восстановлены его честное имя и роль в отечественной науке<sup>20</sup>.

Среди авторов историографических, источниковедческих и археологических статей, посвященных белорусской тематике, активно выделяются Э. Г. Иоффе, В. Н. Михнюк, М. Ф. Шумейко, З. З. Яцкевич, Е. Г. Андреева, К. А. Ревяко, А. М. Сувалов, Я. И. Трещенок, В. В. Швед, М. И. Матюшевская и другие.

Следует отметить вклад в изучение российской историографии ряда белорусских исследователей. Так, в работе гродненского ученого Т. Т. Кручковского<sup>21</sup> изучены проблемы истории Польши в российской науке XIX – начала XX в., в исследовании Д. В. Карева дан научный портрет М. К. Любавского<sup>22</sup>. Очевиден, однако, дефицит внимания отечественных историографов к наследию западноевропейской исторической мысли.

В области всеобщей истории фундаментальные исследования в белорусской науке уступили место статьям по частным проблемам либо прикладным работам в соответствии с потребностями народного образования. Из монографических трудов по всемирной истории необходимо отметить монографию В. А. Федосика «Киприан и античное христианство» (Мн., 1991).

По новейшей истории явно преобладает польская тематика. В ее рамках необходимо выделить работу Г. Г. Лазько „Перад патопам (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932 – 1939 гг.)” (Мн., 2000). Актуальность данной темы исследования определяется важностью для Республики Беларусь глубокого знания истории Польши как нашего ближайшего геополитического соседа. Автору удалось пре-

<sup>19</sup> Ненадавец А. М. Тэадор Нарбут. – Мн., 1996; Аксамитаў А. С., Малаш Л. А. З душой славянина: Жицце і дзейнасць З. Я. Даленга-Хадакоўскага. – Мн., 1991; Гануш А. Г., Кручок П. С. Митрафан Доўнар-Запольскі. – Мн., 1995.

<sup>20</sup> См.: Игнаценка И., Кароль А. Усевалад Игнатоўскі і яго час. – Мн., 1991.

<sup>21</sup> Кручковский Т. Т. Польская проблематика в русской историографии 2 пол. XIX века//Наш Радавод. – Кн. 6. – Ч. 2. – С. 218–417.

<sup>22</sup> Карев Д. В. Академик М. К. Любавский: судьба и наследие//Наш Радавод. – Кн. 6. – Ч. 2. – С. 450–602.

одолеть идеологические классовые догмы в оценке европейской политики Польши в 30-е годы, характерные для советской историографии. Его заслугой является рассмотрение межвоенной политики Польши в общем контексте польской истории, ее взаимоотношений с западным и восточным соседом, вековой борьбы польского народа за самоопределение и возрождение своей государственности.

Трагедия польского народа 1939 года представлена ученым как следствие противоречивой линии польских правительственных кругов, направленной на разрушение версальской системы, и результата польско-советского соперничества за преобладание в Центральной и Восточной Европе. Автору принадлежит новаторство в анализе роли западно-белорусского и западно-украинского факторов в системе внешнеполитической стратегии польского государства. Г. Г. Лазько учел менталитет польских властных кругов в разработке внешнеполитической линии государства. Отказавшись от классового подхода к изучению внешней политики Польши, автор исходил из признания существования «вечных интересов» любого государства. С этой точки зрения им рассмотрено положение Польши в системе международных отношений в межвоенный период, борьба польского государства за упрочение своего места в Европе и ее трагические результаты. В своей работе Г. Г. Лазько рассмотрел политику равновесия польского государства в начале 30-х годов. Особое внимание он обратил на политику политического лавирования польского государства между СССР и Германией. Им раскрыта сущность политики Польши против установления системы коллективной безопасности и ее лавирование между Парижем и Берлином в середине 30-х годов. Ученый рассмотрел польскую политику на Западе после рейнского кризиса и предпринятые Польшей маневры в связи с планами Германии обеспечить свои жизненные интересы за счет восточных государств, а также показал политику Польши по отношению к Литве и Чехословакии в 1938 году. В работе раскрываются польско-советские отношения в период, предшествующий мюнхенскому сговору и после него. Автор продемонстрировал двойственное и настороженное отношение правящих кругов Польши к СССР, имевшее следствием события 1939 года, и итоги международной политики Польши в 30-е годы: провал политики «равновесия», проблемы во взаимоотношениях с западными союзниками (Англией и Францией), германо-советское сближение, определившее катастрофу польского государства.

Реконструкция европейской политики Польши в 1932–1939 годах, в итоге, представлена историком как закономерное звено кризиса и развала версальской системы в европейских отношениях в указанный период. Однако, автор недостаточно раскрыл связь внешней политики польского государства с социально-экономическим положением в стране. Он не развернул в полной мере сюжет о ягеллонской идеологии как попытке обоснования „великодержавной” политики Польши в рассматриваемый период. В отдельных случаях историк прибегает к аргументации своих взглядов посредством не первоисточников, а ссылок на научную литературу.

Интерес представляет монография М. Э. Чесновского «Систэмныя пераўтварэнні ў Рэспубліцы Польшча (1989–1999)» (Мн., 2000). Актуальность работы определяется значимостью изучения общественно-политических и социально-экономических процессов, произошедших в постсоциалистических странах Восточной Европы. Опыт Республики Польша в проведении государственных, экономических и общественных системных преобразований вызывает особый интерес, поскольку Польша явилась пионером в проведении рыночных реформ и в переходе к демократии. Польский опыт важен для изучения переходных процессов от «развитого социализма» к капитализму, эффективности реформ, в том числе, учета негативных факторов, сопровождающих данный процесс. Изучение системных преобразований в Польше может иметь определенное практическое значение для соответствующих реформ, проводимых в Республике Беларусь, реформационной политики в постсоциалистических странах в целом. Работа помогает предвидеть трудности и негативные факторы, сопутствующие реформам, и выработать конкретные рекомендации для практической государственной реформаторской политики.

Вряд ли можно согласиться полностью с тезисом автора о «типичности» польского опыта, поскольку Республика Польша получила серьезную экономическую и политическую помощь со стороны развитых стран Запада. Однако данное обстоятельство не умаляет значения исследования польского опыта. В системном виде автор представил глубокие преобразования в государственно-политической, социально-экономической и гуманитарной сферах. Следует отметить, что подобного рода исследование является приоритетным не только для белорусской, но и для польской историографии. Опираясь на разнообразный круг источников, в первую очередь доку-

ментальную базу Сейма Речи Посполитой Польши, автор доказал неизбежность и обоснованность польских реформ, а также раскрыл принципы, на которых они базировались, и подвел основные итоги преобразований за прошедшие десятилетия. Ученый выделил четыре этапа в проведении польских преобразований и дал определенные прогнозы на их перспективу. Каждый из этапов получил развернутую характеристику, раскрывающую его особенность. В работе показана взаимосвязь внутренней и внешней политики Республики Польша и сделан вывод о том, что Польше не удалось стать страной-форвардом в системе международных отношений. Представляется интересным вывод автора о том, что региональное и европейское значение Польши зависит от ее умения наладить взаимоотношения с восточными соседями, а также о том, что польская стратегия во внешней политике четко не очерчена на перспективу.

Много нового научного материала вводится историком по таким вопросам как социальная цена реформ, приспособляемость субъектов трансформации к новым условиям, декоммунизация общества, роль «Солидарности» в общественных преобразованиях и ее судьба. Безусловно, введение в научный оборот новых архивных материалов может повлечь за собой в дальнейшем корректировку некоторых положений, обсуждаемых в работе, и переоценку тех или иных изучаемых явлений. Поскольку исследование посвящено изучению незавершенных процессов, то отдельные выводы и оценки не могут не содержать элемента гипотетичности. Но это качество отличает все труды по «текущей истории» и оно ни в коей мере не может повлиять на научную и практическую необходимость проведения подобных исследований. Представляется, что не все составные компоненты трансформационных процессов получили в работе полное освещение. Так недостаточно внимания уделено преобразованиям в научной и образовательной сферах.

Следует отметить монографии А. Ф. Смоленчука „Паляки Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905–1907 гг.» (Гродна, 2000) и „На між краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864–1917 г.» (Гродна, 2001), а также Т. А. Лугачевой „Международная организация помощи революционерам (МОПР) в Западной Белорусии (1923–1939 г.)” (Гродна, 2001). В работах А. Ф. Смоленчука раскрывается общественно-политическое движение поляков на территории Беларуси и Литвы в период с 1864 по 1917 гг. Автор отмечает этнокультурные

особенности белорусских и польских поляков, процесс их постепенного интегрирования в польскую нацию, а также особенности их участия в революционных движениях рассматриваемого периода. Книги основаны на архивных материалах и представляют очевидный интерес для польских исследователей. В монографии Т. А. Лугачевой описывается процесс создания и эволюции МОПРа в Западной Беларуси.

В белорусской историографии редки публикации по истории США, Азии и Латинской Америки. В качестве исключения следует остановиться на работе И. Р. Чикаловой «Партии и власть в США и Великобритании: гендерная политика в 1970–1990-е годы» (Мн., 2000). Актуальность данной работы определяется тем, что с конца 60-х годов на Западе и с начала 90-х г. в России в историографии развивается новое направление, предметом которого стала история женщин. В современном виде оно представлено в виде «гендерной истории», активно развивающейся исторической дисциплины, привлекающей к себе все больше внимания. В программы высших учебных заведений включают курсы женской истории, на Западе выходят многочисленные монографии, посвященные «истории женщин». Показательно то внимание, которое было уделено указанной проблематике на 88-ом съезде Организации американских историков (1995 г.). На многих его заседаниях обсуждалась тема «Женщины в истории», дискуссии по которой проходили под углом зрения «оспаривая мужское доминирование». Активной пропагандисткой гендерных исследований в российской науке стала Л. П. Репина, автор теоретического труда «Новая историческая наука» и социальная история» (М., 1998).

И. Р. Чикалова справедливо обращает внимание на проблемы места женщины в современном обществе, социальных и политических ролей, которые она выполняет. Сегодня не замечать эти проблемы, попытаться просто проигнорировать феминистское движение никому не удастся. Поэтому изучение истории феминизма, его роли в общественной жизни, опыта решения гендерных проблем в ведущих странах Запада – США и Великобритании – представляется во всех отношениях важным и поучительным. Подобные исследования имеют практическое значение для построения демократического государства и формирования гражданского общества в Беларуси.

В научном плане активно пропагандируемая И. Р. Чикаловой категория «гендер» представляется полезной, обогащающей арсе-



нал социальных наук, позволяющей более глубоко разобраться в отношении социальных ролей мужчин и женщин, причин функционирования неравенства полов и поиска путей преодоления последнего. Можно считать, что исследование историка открывает новое направление в отечественной историографии, связанное с разработкой проблем истории и теории западного феминистского движения, борьбы феминистских организаций за участие женщин во властных структурах и их взаимоотношений с политическими партиями и государством.

В исследовании И. Р. Чикаловой впервые дан сравнительный анализ гендерной политики Республиканской и Демократической партий США и Консервативной и Лейбористской партий Великобритании. Опираясь на партийные документы и разнообразные информационные материалы, автор кропотливо реконструировала гендерную политику каждой из рассматриваемых партий США и Великобритании. Вызывает интерес сопоставление гендерной политики республиканцев и консерваторов, с одной стороны, и демократов и лейбористов, с другой, а также оценка политических перспектив партий в связи с их отношением к феминистскому движению. Исследовательница развила и наполнила конкретным материалом положение о тесной связи политических успехов той или иной партии США и Великобритании на выборах в последние два десятилетия с их позицией по целому комплексу проблем, касающихся положения женщин и их участия в политической жизни. Впервые в отечественной науке автором дан анализ участия женщин в избирательных кампаниях, а также в законодательных и исполнительных органах власти США и Великобритании. Историк представила белорусской общественности разнообразные женские организации США и Великобритании и возможности связи с ними посредством Интернета.

Новым представляется вывод И.Р.Чикаловой о факторах, обуславливающих замедление роста представительства женщин в политических структурах США и Великобритании, в частности, об институте инкубентов (действующих конгрессменов) в США, вынуждающем женщин выступать на выборах в роли челленджеров. Сравнительный анализ гендерной политики в США и Великобритании позволил ученой сделать уточняющий вывод и о факторах, вызвавших перелом в общественном сознании по отношению к месту женщин в обществе, их роли в политической жизни (принятие антидискриминационных законов, использование программ аффир-

мативных действий в США и мер позитивной дискриминации в Великобритании).

Вызывает интерес вывод историка о причинах, определяющих силу женского движения и влияние женских организаций на партии в обеих странах. На наш взгляд, И. Р. Чикалова несколько односторонне оценивает программу аффирмативных действий демократов, не учитывая ряд негативных следствий, связанных с осознанным неравенством в общественно-политической жизни полов, социальных и национальных групп, которые из нее вытекают. Автор учитывает не все негативные следствия принципа позитивной дискриминации в пользу женщин, поддержанного лейбористами. На наш взгляд, подобные меры могут иметь место в строго определенных временных рамках и с ограничениями для конкретных ситуаций. Однако, следует признать обоснованным вывод И. Р. Чикаловой о том, что причины провала консерваторов на последних парламентских выборах в немалой степени связаны с их негибкой гендерной политикой. Хотя, полагаем, этим они не исчерпываются. Достаточно указать, что программа аффирмативных действий демократов не спасла их от поражения на президентских выборах 2000 г.

Интерес к гендерной проблематике в белорусской историографии выразился в образовании Минского гендерного центра.

Свой вклад в повышение теоретико-методологического уровня исторических исследований в Беларуси вносит ряд республиканских научных журналов, публикуя статьи по методологии истории, историографии, источниковедению и архивоведению. В первую очередь это такие издания как „Беларуски гистарычны часопіс” (с 1993 г.), „Беларуски гистарычны агляд” (с 1994 г.), „Гісторыя: праблемы выкладання” (с 1997 г.), „Архивы і справаводства” (с 1999 г.). Следует отметить, что многие белорусские историки в последние годы стали активно публиковаться в сборниках и журналах Республики Польша, постоянно участвовать в научных конференциях, проводимых польскими исследовательскими и учебными центрами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при всех трудностях, стоящих на пути развития исторической науки в Республике Беларусь, очевидны и позитивные сдвиги в последнее десятилетие, что дает основание рассчитывать на ее успешную интеграцию в европейскую историографию в скором будущем.